

Р О Б Е Р Т Б Е Р Н С

/ к 200-летию со дня рождения /

А. АДАЛИС

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

О, какой друг пожаловал!

Пришел к нам на двухсотом году своей жизни тот, с кем спустя уже много лет после ранней его гибели так охотно беседовал по вечерам Карл Маркс, кого горячо принимал к сердцу Белинский.

Пришел крестьянин, бедный фермер, который всю свою жизнь, несмотря на адское терпение, не мог выбиться из нужды. А он любил хорошо потрудиться и весело отдохнуть вместе с другими — всегда «вместе»! И люди любили его — друзья, приятели, просто соседи.

Была в жизни этого пахара даже такая полоса, когда он, «допущенный в высшее общество», стал любимцем и баловнем «света». Поначалу это нравилось «шустрому» крестьянскому парню, но скоро охватили его нестерпимое отращение и грусть. Люди «света» оказались не под стать ему — был он по своему времени широко образован, тактичен, культурен и породисто красив той истинной человеческой красотой, что дается наследственным трудом на родной земле, на свежем воздухе любимой страны... Недаром, зная цену себе и себе подобным, бросил он гордые слова:

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся трупьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,—
Таких зову я знатью.

Не «знатью», а черню была для него невежественная и самодовольная эдбургская аристократия, и он вернулся к равным себе: к рыцарственно-прямым людям благородного труда. Следом томительного пребывания в свете остался лишь сборник стихов. Но еще до того был выпущен первый — «климаровский томик» — в 1876 году, когда истинные друзья юности собирали для издания деньги по писке.

Ни о ком другом не рассказано биографами столько, сколько о Бернсе. По сути, это может показаться странным... О Бернсе писали авторы почтенные и хорошо известные. Англичане, шотландцы, франгузы писали и пишут его биографии, длинные, короткие, средние, беллетризованные и научные, литературоведческие и философские.

Биографии-повести и биографии-исследования, биографии для детей и для поэтов, для историков и для школьников! В прошлом веке жизнь и творчество Бернса, изучали знаменитый Карлсфельд, Локхарт, Коннингем, Керри; позднее — Джейес, Карсуэлл, американский ученый-литературовед Фергюссон... Существует целый цикл романов о Роберте Бернсе, написанный Джейсом Барком. А ведь, казалось бы, жизненный путь этого поэта был не из числа «загадочных», будораживших публичное любопытство и вызвавших толки... Ни странных приключений, ни исчезновений «в пучинах бытия», как у некоторых иных поэтов романтистического века. Почти всю свою короткую жизнь — умер Бернс в роковом почему-то для великих поэтов тридцатисемилетнем возрасте — молодой фермер провел, крепко стоя на земле своей Шотландии. Это необычайное обилие биографий приходится объяснить, не мудрствуя лукаво, принятой предельно простой и ясной. Именно тем, что он был фермером, простым фермером и земледельцем! Земля кормила его и его семью, как кормила прежде его родителей. Песня его жизни была несомненно, неутомима, как вода, бегущая по лугам, и иссякла песня лишь вместе с его жизнью. Почти все стихи Бернса были песнями, уже сохранившимися в себе мелодию и мотив. Не нужно было класть их на «музыку»: музыка была заложена в словах, как деревья и злаки заложены в живых зернах. Он распевал, ила в молодости за плугом, горланил, сидя с друзьями за кружкой ячменного пива, пел, поджидая в орешнике своих подружек или блуждая под молодой луной по холмам, среди вересковых кустов...

Вот почему казалась удивительной эта самая простая из биографий. Впервые была признана и поднята на высоты славы песня, пришедшая из земли, из народа, бесправного и утесненного, и, когда замолк певец, она вернулась в народ. «Из народа взят был, туда и отыдеш», — так могли бы сказать провожавшие Бернса в последний путь, будто знатнейшего из знатных, с воинскими почестями, как никогда еще не провозгладал Англия своих певцов.

Роберт Бернс-человек и Роберт Бернс-поэт неразделимы; в нераздельности — разгадка и суть их двойного величия. Если вернейшая биография такого «певца своей жизни» — это сами стихи его и песни, как жаль, что не разгадана никакими биографами его победа над временем — своим и временем вообще, — над безысходностью смерти — своей и всякой!.. Лишь раз навсегда сам поэт рассказал об этом своей смертной балладой «Джон Ячменное Зерно». Могучим песенным потоком излилась она из родника баллады народной, из старой-престарой шотландской песни — мудрость, не требующая комментариев и пояснений.

Ветели выкопать сохой
Могилу королей,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно.
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буй и упрям,
С пригорка в легкий знай,
Грозит он копытами врагам,
Качая головою.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время померать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правееж,
Везут его на ток.

Не помянув его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клюкочет Джон
Яменное Зерно!

(Перевод С. Маршак.)

Роберт Бернс — шотландец. Шотландец являлся и кровью, помыслами и музыкой своих стихов.

Шотландия... Страна вересковых пустошей и холмов, туманных озер и приморий... Страна гордых дальнорядных горцев — таких дальнорядных, что считалось: это «народ ясноты»... Страна древних кланов, древнего самоуправления... Страна миражей и здравого смысла. Пронзительный голос волынки и белые чайки над сизо-стальной водой... Стихи Бернса вобрали ее всю: поэт ли он о своей Джин, славят ли старухи вождей вольной Шотландии, превозносит ли «пудинг Хаггис горячий и плотный», приносит ли имя Родины или нет — Роберт Бернс сын своего народа.

И другое, никем из биографов до сих пор не сказанное с достаточной силой: Роберт Бернс — счастливый, упоенный счастьем победитель. Вскинув голову, шел он по земле победителем жизни, как бы ни была она скудна и горька.

О том, что «творчество его жизнеутверждающе», считал долгом своим отметить каждый биограф. Но как робко это слово «жизнеутверждающе» в применении к поэту, воспеваемому полным голосом и горе, и разлуку, и тяжкий труд, как горячее счастье земное!

Всякий раз, когда Бернс вспоминает о какой-либо полосе своей жизни — в песне, в стихах, в письме, — на устах его слово «радость».

Творец нехитрых этих строф
Был некий бард беспечный,
Он шел среди родных лугов
От радости сердечной.

В отрочестве, в молодости, в конце жизни муза радости не покидала его.

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!

Греми до самых дальних дней,
Веселый клич задрывный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!

Вот как шел он, будучи уже лет тридцати пяти от роду, этот бедный фермер, трудолюбивый глава хозяйства, отец трудовой семьи!.. Высокий и тонкий, с большими глазами пылающей южной черноты, чуть сутулый и словно колеблемый ветрами, как матовая сосна, но стоявший на земле прочней, чем древний камень северных скали- желей.

Да, землю этот крестьянин любил, как песню, и песню, как землю.

..Какой это праздник — приход друга! У нас он может чувствовать себя, как дома...

Стихи Бернса, едва сделавшись известными у нас на русском языке, быстро нашли читателей, по сути, а не по форме благодарных. Студенты, молодая рабочая интеллигенция, школьники старших классов, пожилые любители стихов — многие сотни тысяч советских людей сразу приняли Роберта Бернса не «к сведению», а к сердцу.

«При всем при том, при всем при том», как поется в песенке Бернса, перед нами не подлинник, а перевод. Так оно и значит: «Роберт Бернс в переводах С. Маршак». Так оно и есть: перед нами удивительный случай слияния подлинника с переводом. Отделившись от своего давно умершего творца, «как отлетевшая от тела душа», стихи устремились скитаться по белу свету, по обычаю всех стихов, порожденных бессмертными поэтами, и обрели вторую жизнь на другом языке.

Другими словами, перед нами «чудо».

В областях разных искусств происходят время от времени своеобразные «чужеземия», не говоря уже о том, что невольное впечатление дива всегда охватывает нас при первой встрече с истинно прекрасным — в искусстве, в природе, в мире чувств... Впрочем, не касаясь уже этой ветхой темы о «встрече с красотой» — вот хотя бы рождение одной и той же идеи у многих мыслящих на разных концах земли; или в музыке — власть гения-исполнителя над тысячами душ, оставшихся прежде глухими к давно известной симфонии... Или титаническая сила и обаяние знаменитой немого русской актрисы, горбатенькой и чахлой, как сухая былинка... Или страшная выносливость Микеланджело — полуобнаго, шепелявого, хромого старика, что расписывал ужасы библей, лежа неделями в судорогах, на спине под куполом тигантского собора... Или — проще простого — обычное ежевечернее чудо: «перевоплощение» актера!

Чудеса рождают легенды.

Странно, что нет легенд о переводах... А ведь искусство переводчика тогда, когда оно действительно искусство, — это «чудо самоотдачи». Сколько таланта, сколько нравственной силы, физического напряжения нужно порой для того, чтобы «востину воскресить» поэта иного времени и чуждой земли!

Для самоотдачи нужны бесстрашие и щедрость сердца...

Мне кажется, что классический сборник Маршак «Стихи Роберта Бернса» относится к короткому ряду явлений, давно известных в принципе, но редкостных в реальной истории поэзии. Плод страстного и преданного труда — свод стихов крепких, как вересковый мед Шотландии. И недаром их превратил целый строй народных шотландских песен и баллад. Щедрая, трепетная любовь — это от русской школы поэтического перевода; придирчивая точность — от старого переводческого мастерства.

Когда вдуматься в вопрос, из чего исходил в своем «воплощении» переводчик, объяснение приходит само собой: из музыки. Из широкой, взволнованной музыки русской речи и пронзительных народных мелодий шотландского стиха.

Мелодии песен Бернса народны до самой их сердцевины. В сердцевины народной песни — зерно жизни, единое для всех человеческих языков. Это знают ведь и хиндустанский рубоб и шотландская волынка! «Люблю тебя», светлее на любом языке, понятно на любом другом. И «ненавижу» и «все люди будут братья» понятны.

Музыку не приходится переводить. Надо быть одержимым ею. Воплощение, а не ремесло...

Если извлечь ее из кожурны стиха и присвоить собственному сердцу, наполнив своим дыханием, иноязычные слова сами лягут на нее, на эту музыку, и поплывут, качаясь на волне.

Чудо, называемое «Роберт Бернс в переводе С. Маршак», кроется в том, что стихи Бернса — народные песни, и в том, что другой поэт сумел расслышать их внутреннее течение.

* * *

Ровно двести лет протекло со дня рождения Роберта Бернса, ровно сто шестьдесят три года со дня его смерти. В промежутке между этими сроками разразилась Великая французская революция, отзвук которой потряс всю душу поэта, сызнова пробудив в ней силы, уже тайно подорванные разочарованиями, неутоленной духовной жаждой, униженностью вечной крестьянской нужды... Великая очистительная гроза пришла на последний период его жизни. «Дерево Свободы», дышащее молодостью и победоносным вдохновением, стало известным каждому шотландцу.

вой Роберт Бернс, многолюбимый и много любивший, не имел еще опоры для своей мудрости ни в ком, кроме безвестных тружеников.

Ведь это от их имени писал великий шотландец стихи, полные огненной горечи и гнева:

Наша честь велит сместь
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!

Диалектика жизни, диалектика истории не любит прямых делений на или — или... Она ответила поэту третьим словом:
— Бессмертие.

* * *

Роберт Бернс знал, что, как бы ни была мучительно тяжка доля бедняка, трудящегося на земле, все счастье земное принадлежит ему, а золото, сотворенное из его пота и крови, не приносит счастья рабовладельцу: без наслаждения, без вдохновенного веселья свободы проходит «владеть благ» свой проклятый путь.

Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья...

Так энух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.

...Когда пишут, что творчество Бернса полно революционного обличения социальной несправедливости, что Роберт Бернс — поэт-обличитель, поэт-трибун, — это все правда, но не полная правда о нем, о творческой его жизни и глубоко человеческой душе. Великолепных трибун и гневных обличителей мы знаем и чтим в истории поэзии, но, пожалуй, не знаем никого, в чьем творчестве грозная нота гнева и скорби так была бы слянна с неуемной, нестерпимой радостью бытия! Так было и в начале жизни Бернса, так было и в ее конце, когда больному, с трудом ловившему воздух синеватыми губами, истощенному, с истерзанным сердцем, оставалась для жизни лишь одна стихия — песня. Песней дышал он все так же упоенно и легко и перед самым своим концом создал на этом легком песенном дыхании трогательно-прелестную песню «В полях под снегом и дождем», посвященную его добровольной сиделке, хранительнице смертного ложа — молодой подруге его жены. Этой песней он дал нежнейший обет вечной дружбы, как осмелится дать его лишь тот, кто еще ждет и жаждет для себя очень долгий, пусть и нелегкой жизни.

А если мука суждена

Тебе судьбой,

Готов я скорбь твою до дна

Делить с тобой,

Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,

Где ночь кругом,

Где тьма кругом —

Во тьме я солнце бы нашел

С тобой вдвоем,

С тобой вдвоем.

А читателю Бернса сдается, будто сама природа — ветер и дикая вода, леса и звезды, так приблизившиеся к нам, что перестали быть «звездами» былых времен, ручьи, рощи, солнечные долины — может воплотиться в музыку и в стих... Стихом и музыкой продолжает свою жизнь природа! Стремись ли к берегам горных озер — пусть гениальный исполнитель сыграет Грига... Тянет ли в ночные луга под вечерний дождь — распахни книги стихов, подобных стихам Роберта Бернса... Удивительное, волнующее чувство, помимо прочих ощущений и помыслов, рождает в нас стихи и переводы стихов Роберта Бернса! Вероятно, давным-давно знает

Нет сомнения в том, что сочувствие Бернса революции не ограничивалось вольными словами. Постепенно проясняется для нас из его писем, из стихотворных строк и междустрогий, из воспоминаний друзей особый, пусть небольшой раздел его биографии: участие в тайных и просветительных обществах, в подготовке дальнейшего будущего, когда

Настанет день, и час пробьет,

Когда уму и чести

На всей земле придет черед

Стоять на первом месте.

При всем при том,

При всем при том,

Могу вам предсказать я,

Что будет день,

Когда кругом

Все люди станут братья!

С годами все чаще вырывалась эта глубинная и пламенная социальная страсть из баллад его и песенным призывом — особенно тогда, когда дело касалось судьбы родной оскорбленной Шотландии. Но друзья скорей береди и сдерживали, чем разжигали поэта. Слишком известен среди ближних и дальних, слишком на виду был этот скромный землепашек. Самолюбиво и упрямо тащил он из нужды на нешироких своих плечах любимую семью. Ведь тому не могли помешать ни взыскливости, ни легкомыслию первого песенника на деревне, — первого в Шотландии, да и во всей Британии, а пожалуй, и в целом мире, — ни даже влюбленности в «доченочек» и девушек, попадавшихся ему на пути. Друзья берегли его и его семью. Надо помнить и то, что — живой среди живейших — он, правда, изредка, но все же исполнял обязанности не только «гражданина грядущего», но и гражданина своей ограниченной эпохи. Так, участвуя в выборной кампании, Бернс даже писал стихи в честь выдвинутого кандидата. Но то были стихи, а не песни. Крестьянская горная Шотландия жаждала песен Бернса. Песни — его душа, его бессмертие, его гений... Даже всемирно знаменитая поэма молодых лет — кантата «Веселые нищие» — это поэма песен, а «Том О'Шен-тер» — это кляпящая смехом и музыкальной шотландской баллада о «хмельном».

Среди стихов непесенного лада у Бернса сильней всего эпиграммы сатиры. В своих эпиграммах поэт был дерзок и ядовит, и все-таки он оставался беззаказанным: в этом проявлялась благородная любовь окружающих его людей, даже простых шотландских крестьян, с которыми не всегда сподручно было схватываться английской знати... Еще в пору пребывания поэта среди «баловней высшего общества» бурю негодования вызвали его стихи «Насекомому, которое поэт увидел на шляпке нарядной дамы во время церковной службы...». Они были одним из поводов бегства его от «света». Врагами Бернса становились и жертвы его эпиграмм, но ядовитое оружие смеха делало их бессильными. Насмешки окружающих не позволяли «жертвам поэта» расправиться с ним.

Были среди преданных Бернсу людей и лучшие из среды интеллигенции; друзья предавались Бернсу умом и сердцем, не уставая удивляться разну его, чистосердечию и образованности. Только ханжи и сквалеры могли не любить его, и в своих эпиграммах он казнил, уравнивая, так сказать, социально и деревенского псаломщика и знатного, но скудоумного лорда. Даже в этом щедрый демократизм великого поэта — равно обесмертвить по достоинству лорда и мужика!.. Печально, что среди узколобых, с каменными сердцами был и отец его жены, прославленной в веках «доброй Джин, милой Джин, доброй Джин...». Кто знает, сколько лет драгоценной жизни поэта сжег этот мироед, отнимавший у бедняка Бернса и прятавший от него венчанную, законную жену?

Как было Бернсу не ненавидеть богатых? Мудрец, далеко не доживший до возраста мудрости, дальнорыкий, «ясновидящий» шотландец, он рано понял главное, губительное, не понятное сотням признанных до него мудрецов. Он знал уже то, что цена власти, будь символом ее корона или мотыга, венец князя или сальный кошелек лавочника, — это лишь цена человеческого труда, трудового кровавого пота! Миновали десятилетия, и Карл Маркс нашел себе доброго друга для вечерних бесед... Но жи-

их родная шотландская волянка, давно многие из них положены на музыку в Англии, в Германии и поются на разные голоса. В русской музыке эти тексты были прежде мало известны. Их волшебную песенную суть излек впервые наш современный советский поэт. Очень многим стихам Бернса самое время и место жить у нас как текстам песен.

Но поются ли, читаются ли эти стихи и баллады, заставляет ли нас ласково умахаться «смерть овцы Мейли», щемит ли сердце от «Новогоднего приветия старого фермера его старой лошади», устремилась ли вместе с сердцем девушки к ее «беспутному и буйному Вилли», вовсе ли охмелеешь от доброго пива и от сытного «пудинга Хаттис» в сельском трактире, в компании Берсовых друзей, прославившись ли с ними мужскую дружбу и братство-человеческое, — ты знаешь: да, было такое дело! С подлинным верно было все, что пел он, писал и говорил. Нигде, никогда не сказал Бернс «придуманного» о лирическом герое, и не нужен был лирический герой тому, кто пел себя и о себе. Бесстрашие нужно поэту, чтобы ему — равному среди равных — быть до конца открытым, бесстрашнее и увереннее в том, что его сердце — приют для тысяч сердец. Для певца народа нет байроновского одиночества. Желю поэта действительного звали Джин, а «милую Анни» — милой Анни: «Буйный Вилли» был и впрямь верен своей скрипке, а ханжа Вилли Фишер прославился как гнусный лицемер... Есть у Бернса стихи, посвященные маргаритке, раздавленной его плугом; есть стихи о полевой мыши, чье гнездо этот плуг разорил... И что же? Это поле, по которому проходил поэт-землепашец, до сих пор показывают приезжим земляки Бернса... Бессмертная ода жизни, посвященная «Собратью поэту», направлена по прямому адресу — «другу Дэви». Дерзкая ода «Честной бедности» стала знаменем гордости шотландского крестьянства потому, что беден и благороден был фермер Бернс и знал доподлинно все, о чем писал.

В том, а не в противоположном, как думают многие, — не в нарочитом «обообщении», не в «бесмысленности» тайна могущества фольклора и его отличие от «литературной» поэзии. Наследники фольклора — одновременно и родоначальники его. Наследность Бернса в личном, а не в безличном. И наряду с этим она в национальном, а не в «космополитическом», как мы прозвали, быть может, не весьма удачно, безродность иных деятелей и мастеров...

Вот что пишет он:

«Никак не могу согласиться с высказанными суждениями о «трагизмах мира вообще». Во мне живут национальные традиции, которые, по-моему, сильнее всего горят именно в сердцах шотландцев!»

Но, быть может, кому-нибудь было угодно считать ограниченным этого землепашца?

Трудно найти в истории высказывание со стороны поэта — существа общепризнанно «инфантильного», либо демонического, — более просвещенное, более тонкое в политическом смысле, чем несколько фраз письма Бернса, адресованного в газету «Стар». Когда случилось ему высказаться о том, что короли прошлого были «кровавы и жестоки» и что многое могло быть объяснено дикостью времени, он добавил:

«Но как вы объясните, что в наш просвещенный век против Великобритании восстал целый народ — американские колонисты, чьи потомки будут праздновать столетие освобождения от нас столь же горячо и искренне, как мы празднуем освобождение от сурового гнета династии Стюартов?»

И что сказал бы он ныне о потомках потомков этих «американских колонистов»? .. Судьба Бернса — его поэзия, его душа, его чувства к ближним и дальним, его любовь и ненависть — все в нем, «как солнце и луна поставлено будущим векам» свидетельством природы и истории о духовном могуществе простого, трудового человека. Роберт Бернс — царственный поэт: «царственный» своей благородной гордостью, щедростью, умением быть великодушным, силой исполняющего презрения к богатой и знатной черни. Тем он и дорог нам сейчас, с тем и приходит к нам, чтобы жить в радости и в почете!

С. МАРШАК

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Песня храбрых

Прощай, снега, и листва, и трава,
И солнце над краем земли.
И милые дружки, и узы родства.
Свой жизненный путь мы прошли.

Кто волею слаб, кто судьбы своей раб,
Трепещет, почуяв конец.
Но гибели час, неизбежный для нас,
Не страшен для храбрых сердец.

Ты, Смерть, погребашь безвестных крестьян
В безвестной могиле сырой.
Но бранною славой навек осиян
За родину павший герой.

Умрем же без страха — ни шагу назад
В неравном и славном бою!
Кто в блеске победы грядущей не рад
Стоять и погибнуть в строю?

На рождение ребенка

(Послание Гэвину Гамильтону)

Рубцами хвалится боец —
Печатью молодчества.
Хвалу войне поет певец —
Проклятью человечества.

Велик не тот, кто сотню душ
Безвинных уничтожит.

Чтобы дать читателю более полное представление о характере поэзии Роберта Бернса, мы печатаем к двухостой годовщине рождения поэта цикл стихотворений, включенных в поэмы, ранее опубликованные в сборнике переводов: «Сон» и «Две собаки» (реакция).

с. 139 - 150 - Стихи Печенкина
с. 141 - Овчинникова
с. 142 - Сон